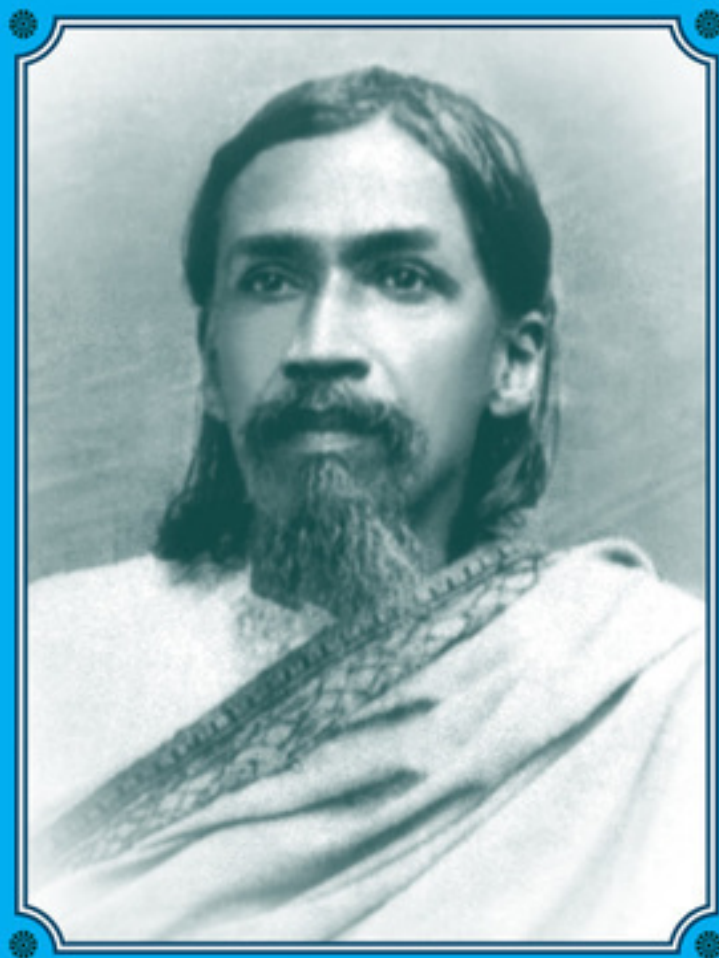

ШРИ АУРОБИНДО

УПАНИШАДЫ
Кена и другие

Шри Ауробиндо. Собрание сочинений

Шри Ауробиндо

**Шри Ауробиндо.
Упанишады. Кена и другие**

«Адити»

2004

Ауробиндо Ш.

Шри Ауробиндо. Упанишады. Кена и другие / Ш. Ауробиндо — «Адити», 2004 — (Шри Ауробиндо. Собрание сочинений)

В настоящем томе представлены материалы многолетней работы Шри Ауробиндо по изучению и исследованию величайшего памятника древней ведантистской культуры – Упанишад: переводы, заметки, комментарии. Сюда вошли переводы и исследования всех Упанишад, над которыми работал Шри Ауробиндо, кроме Иша Упанишады. В них он воскрешает для нас подлинный эзотерический смысл этих древних писаний, вдохновенные строки которых зовут человека к пробуждению от Неведения, к познанию своего высшего, истинного «Я», единой и единственной Реальности, к обретению Блаженства и Бессмертия Брахмана.

Содержание

Предисловие	5
Биографическая справка	8
Упанишады	9
1	9
2	17
3	19
О Переводе Упанишад	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Шри Ауробиндо

Упанишады. Кена и другие

Предисловие

Даже ничтожная крупица этого Закона приносит избавление от великого страха.

Бхагавадгита

Как выглядит она, когда чуть улыбнется, Не выразит язык и не постигнет разум, – Столь чуден лик ее, и сладостен, и светел.

Данте

«Упанишады... – наивысшее самовыражение гения Индии, ее возвышеннейшая поэзия, величайшее достижение ее мысли и слова; ... это широкий поток духовного откровения, непосредственного и глубокого; ... это духовные поэмы абсолюта, ... исполненные совершенства, поразительные по вдохновенности и точности выражения, изумительные по ритмике и образности» – так отзывается Шри Ауробиндо об Упанишадах, величайшем памятнике древней ведантистской культуры. В настоящем томе представлены материалы его многолетней работы по изучению и исследованию Упанишад: переводы, заметки, комментарии¹.

Впервые Шри Ауробиндо познакомился с Упанишадами (в переводе на английский) в 1892 г. в Лондоне, где он получал классическое европейское образование. Как он позже писал, то были первые индийские писания, с которыми он соприкоснулся и которые глубоко увлекли его и пробудили в нем горячий интерес. По возвращении в Индию, в Бароде Шри Ауробиндо овладел санскритом и начал читать Упанишады в подлиннике. На рубеже веков он приступил к переводу некоторых из них на английский язык, снабжая свой перевод комментариями. Примерно в 1906 г. был закончен «вольный ритмизованный перевод» шести Упанишад: Иши, Кены, Катхи, Мундаки, Прашны и Мандуки. Приблизительно в это же время Шри Ауробиндо перевел также Тайттирия, Айтарея и Шветашватара Упанишады, а также фрагменты из других Упанишад и ранних ведантистских текстов, кроме того, он подготовил пространственный комментарий к Иша Упанишаде, озаглавленный «Кармайогин», и написал несколько глав обширной пояснительной работы, известной как «Философия Упанишад». Четыре Упанишады в его переводе: Иша, Кена, Катха и Мундака – были впервые опубликованы в еженедельнике «Кармайогин», издававшемся им в 1909—1910 гг.

В течение первых четырех лет пребывания в Пондичери (1910—1914) Шри Ауробиндо уделял значительное время работе над Упанишадами. В частности, он написал объемные комментарии к Ише. Начиная с 1914 г. он публиковал новые переводы Иши, Кены и Мундаки, первые две – с новыми комментариями, в издававшемся им ежемесячном обозрении «Арья». Вскоре после того как в 1921 г. издание «Арьи» было прекращено, эти новые работы вышли в свет в виде книг.

Впоследствии Шри Ауробиндо отредактировал часть из своих переводов и комментариев, однако многие из них остались незавершенными (см. Библиографическую справку). Эти работы неоднократно издавались и переиздавались как при жизни автора, так и после его ухода. Интерес к ним продолжает расти и по сей день не только в Индии, где его трактовка Упани-

¹ Сюда вошли переводы и исследования всех Упанишад, над которыми работал Шри Ауробиндо, кроме Иша Упанишады. Все материалы его работы над Иша Упанишадой представлены в томе 4 настоящего Собрания сочинений. Сведения о материалах, вошедших в настоящий том, можно найти в Библиографической справке в конце тома.

шад снискала признание в качестве одного из наиболее глубоких и блистательных достижений духовно-философской мысли нации, но и за ее пределами.

Своими переводами и комментариями Шри Ауробиндо воскрешает для нас подлинный эзотерический смысл этих древних писаний, вдохновенные строки которых зовут человека к пробуждению от Неведения, к познанию своего высшего, истинного «Я», единой и единственной Реальности, к обретению Блаженства и Бессмертия Брахмана.

Шри Ауробиндо, Пондичери, 1915—1918 г.

Биографическая справка

Шри Ауробиндо, йогин, поэт, философ и мыслитель, общественный и политический деятель родился в Калькутте 15 августа 1872 года. С семилетнего возраста воспитывался в Англии, сначала в школе Св. Павла в Лондоне, а затем в Королевском колледже в Кембридже.

В 1893 г. в возрасте 21 года Шри Ауробиндо вернулся в Индию и поступил на гражданскую службу к махарадже г. Бароды, где провел 13 последующих лет. За это время он овладел санскритом и другими языками народов Индии, глубоко изучил как политические проблемы Индии, так и ее культурное и духовное наследие. В 1906 г. он направился в Бенгалию, где началась его активная политическая деятельность. Издававшийся им журнал «Банде Матарам» стал могучим голосом индийского освободительного движения. В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован и оказался в тюрьме по обвинению в антиправительственной деятельности, грозившему ему смертной казнью, но через год по окончании суда был оправдан и освобожден.

Его революционная работа длилась до 1910 года, когда по призыву внутреннего голоса он оставил политику и удалился в Пондичери, французскую колонию в Индии, чтобы продолжать интенсивные занятия йогой. Обобщив духовный опыт прошлого, Шри Ауробиндо разработал теоретическую и практическую базу для воплощения божественной жизни на земле. Исследованиям в этой области были посвящены последние сорок лет его жизни.

Шри Ауробиндо покинул свое физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает более 30 томов, среди которых философские труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которую он писал в течение последних тридцати пяти лет жизни и которая является действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

В его трудах, представляющих собой подробное рассмотрение духовной философии и йоги, отражен внутренний опыт, полученный в результате практики йоги. В них рассматривается истинный смысл Вед, Упанишад и Бхагавадгиты, значение и роль индийской культуры, проблемы развития человеческого общества, эволюция поэтического творчества и поэзии.

Шри Ауробиндо наряду с Рамакришной и Вивеканандой был одним из великих реформаторов традиционной индийской философии. Согласно его учению восходящая эволюция в природе, развитие которой направлено от камня к растению, от растения к животному и от животного к человеку, не останавливается на человеке, как на конечном этапе, но устремляется дальше, к созданию более совершенного вида, который будет соотноситься с современным человеком, как тот, в свою очередь, соотносится с животным. Человек является лишь переходным существом, обладающим способностью достичь более высокого уровня сознания, чем сознание разума. Вся жизнь Шри Ауробиндо была посвящена утверждению в нашем мире этого нового сознания, названного им супраментальным сознанием, реализация которого должна позволить людям утвердить на земле совершенную, гармоничную жизнь, исполненную истины, света и свободы.

Упанишады Введение

1

Упанишады – высочайшее творение индийского разума и, как таковое, как наивысшее самовыражение гения Индии, ее возвышеннейшая поэзия, величайшее достижение ее мысли и слова, Упанишады не могут быть просто литературным или поэтическим шедевром; это широкий поток духовного откровения, непосредственного и глубокого, свидетельство и результат единственной в своем роде ментальности и необычной направленности духа. Упанишады одновременно являются великими священными писаниями – ибо в них запечатлен глубочайший духовный опыт – и откровениями озаренной интуитивной философии неисчерпаемого света, силы и широты; это духовные поэмы абсолюта, будь то в стихах или в ритмической прозе, исполненные совершенства, поразительные по вдохновенности и точности выражения, изумительные по ритмике и образности. Так выражает себя разум, в котором философия, религия и поэзия стали едины, – ибо эта религия не заканчивается на культовости, не ограничивается религиозно-этическими целями, а возвышается до бесконечного открытия Бога, или истинного «Я», открытия нашей высочайшей и целостной реальности духа и бытия, и говорит, пребывая в экстазе светоносного знания, в экстазе живого, осуществленного опыта; а эта философия является не абстрактным теоретизированием на тему Истины или схемой логических умопостроений, но самой Истиной – увиденной, почувствованной, пережитой, хранимой в сокровенной сути разума и души и радостно изрекаемой в восторге убедительного постижения и овладения; и эта поэзия есть труд эстетического ума, вознесшегося над обычным полем своей деятельности, чтобы выразить чудо и красоту редчайшего духовного самопрозрения и глубочайшей просветленной истины себя, Бога и вселенной. Здесь интуитивный разум и тонкий психологический опыт ведических провидцев достигают кульминации, в которой Дух, словами Катха Упанишады, обнажает собственное тело, глашатайствует глаголом собственного самовыражения и раскрывает перед умом вибрации ритмов, которые при повторении в духовном слухе словно укрепляют душу и возносят ее, удовлетворенную и счастливую, к вершинам самопознания.

Этот характер Упанишад надо особо отметить, потому что им пренебрегают западные переводчики, старающиеся выявить интеллектуальный смысл и упускающие богатую жизнь мыслесозерцания и восторг духовного опыта, которые превращали и продолжают превращать древние стихи в откровение не только для интеллекта, но и для души и всего существа тех, кто способен проникнуть в стихию движения этой речи, а пользуясь старинным выразительным словом, превращали их в *шрути* (*śruti*) – не в интеллектуальную мысль и слово, но в духовное слышание, во вдохновенное священное Писание. Сегодня нет надобности в доказательствах ценности философского содержания Упанишад – даже если бы не существовало многочисленных признаний самых великих умов, то в пользу Упанишад свидетельствовала бы вся история философии. Упанишады признаны как источник ряда глубоких философских систем и религий, которые проистекали из них и распространялись по Индии, словно великие индийские реки из своей гималайской колыбели, оплодотворяя ум и жизнь народа, сохраняя на протяжении долгих столетий его живую душу, которая постоянно припадала к ним в жажде света и получала его из этих неисчерпаемых животворных вод. Буддизм во всех своих ответвлениях был только воспроизведением, под новым углом зрения и в обновленных формулировках и определениях, одной из сторон изложенного в них опыта; буддизм понес этот опыт, преобра-

зованный по форме, но едва ли по содержанию, по всей Азии и к западу в сторону Европы. Идеи Упанишад прослеживаются во многих мыслях Пифагора и Платона, они составляют глубинную основу философии неоплатоников и гностиков, которые в столь значительной степени повлияли на философское мышление Запада, суфизм же снова повторил их уже на языке другой религии. Большая часть немецкой метафизики по сути есть не что иное, как интеллектуальное развитие великих реальностей, увиденных с более значительных духовных позиций в этом древнем учении, а современная мысль быстро вбирает их в себя, выказывая при этом настолько живую и интенсивную восприимчивость, что можно ожидать революции как философского, так и религиозного мышления; иногда эти идеи просачиваются в виде различных неявных влияний, иногда медленно вливаются по прямым и открытым каналам. Едва ли существует значительная философская идея, которую нельзя было бы соотнести с соответствующим опытом, замыслом или указанием этих древних писаний, – а между тем, по мнению некоторых, все это – лишь досужие умствования, за которыми не стоит ничего, кроме грубого, варварского, натуралистического и анимистического невежества. Постоянно обнаруживается, что даже крупнейшие обобщения Науки суть применение к истине физической Природы формул, уже открытых индийскими мудрецами в их первоначальном, самом широком смысле в более глубокой истине духа.

И все же эти произведения не являются плодом интеллектуального философствования, метафизического анализа, который нацелен на определение понятий, на отбор идей и выделение тех из них, которые представляются истинными, на логическое выражение истины или на поддержку ума в его интеллектуальных предпочтениях посредством диалектических рассуждений и который удовлетворяется выдвижением единственного решения проблемы бытия в свете той или иной идеи разума и рассмотрением всего сущего только под этим углом, в этом фокусе и заданной перспективе. Упанишады не могли бы обладать такой неисчерпаемой жизнеспособностью, не могли бы так долго оказывать неубывающее влияние, давать такие результаты, о которых можно судить по нынешнему независимому их подтверждению совершенно новыми методами и в совершенно новых сферах поиска, если бы они носили такой характер. Только потому, что древние провидцы Истину видели, а не умозаключали о ее существовании, потому, что они облекли Истину в могучую плоть интуитивных идей и очевидных образов – плоть идеальной прозрачности, через которую наш взор проникает в беспредельное, – потому, что они прозревали вещи в свете самосущности и озирали их оком Бесконечности, поэтому их слова обрели вечную жизнь и бессмертие, поэтому они исполнены бездонного смысла, неопровержимой достоверности и утоляющей окончательности, которая в то же время есть бесконечное начало Истины, к коей в конце концов вновь сходятся все наши пути поиска и постоянно возвращаются умы человечества в эпохи величайших прозрений. Упанишады есть Веданта, корпус знания, стоящего даже выше Вед, – но знания в более глубоком, индийском понимании этого слова, *джняна* (*jñāna*). Не просто мышление и рассудочное рассмотрение, постижение интеллектом умственных форм истины, но видение истины душой и жизнь в истине всей силой нашего внутреннего существа, духовное усвоение путем отождествления себя с объектом познания – вот что такое джняна. А поскольку такого рода непосредственное знание может обрести полноту только при интегральном познании сущности, то именно сущность стремились познать ведантистские мудрецы, и не просто познать, но жить в ней, став едиными с ней через отождествление. Пойдя этим путем, они с легкостью постигли, что сущность человека едина с универсальной сущностью всего, которая, в свою очередь, тождественна Богу или Брахману, трансцендентному Существо или Существованию; мудрецы прозревали, ощущали, жили в самой сути всего сущего во вселенной и в истине внутренней и внешней жизни человека благодаря свету этого единственного и всеобъемлющего видения. Упанишады – это эпические гимны самопознания, миропознания и богопознания. Великие формулировки философских истин, которыми они изобилуют, не являются абстрактными интеллектуальными обобщени-

ями, чем-то, способным только блистать и освещать разум, но не жить и не возвышать душу; это пламена-светочи интуитивных озаряющих прозрений, это прикосновения-видения единого Бытия, трансцендентного Божества, божественной и универсальной Сущности и откровения ее связи с предметным и тварным миром в этом великом космическом проявлении. Напевы вдохновенного знания, они, как и все гимны, проникнуты религиозной устремленностью и восторгом, но не узко интенсивного типа, свойственного низшему религиозному чувству, они вознесены над культовостью и условными формами богопочитания к универсальной Ананде Божественного, которая дается нам сближением и соединением с самосущим и универсальным Духом. Хотя в центре внимания здесь внутреннее видение и нет прямой связи с внешним действием человека, вся высочайшая этика буддизма и позднего индуизма вышла из самой жизни и смысла тех истин, которым Упанишады дали выразительную форму и силу, – и здесь есть нечто большее, чем в любой этической концепции или в умственном правиле добродетельной жизни, здесь есть возвышенный идеал духовного действия, основанного на единстве с Богом и всем живым. Вот почему и после исчезновения жизненных форм ведического культа Упанишады сохранили жизнеспособность и творческую силу и смогли вызвать к жизни великие религии богопреданности и мотивировать непреходящую индийскую идею Дхармы.

Упанишады есть творение озаренного и интуитивного разума и его просветленного опыта, и этим высоким источником предопределены и отмечены все их содержание, структура, стиль, образность, ритмика. Эти возвышенные и всеобъемлющие истины, эти видения единства, сущности и универсального божественного бытия отчеканены в лаконичные и монументальные фразы, которые сразу привлекают к ним взор души, обнаруживают перед нею свою реальность и побуждают стремиться к ним и переживать их; или же эти истины облечены в поэтические речения, полные озаряющей силы и выразительных оттенков мысли, позволяющих раскрыть всю бесконечность через конечный образ. В них раскрывается Единое, но наряду с этим – и множество его аспектов, каждый из которых явлен во всей полноте своего значения за счет широты и силы словесного выражения, причем просветленная точность каждого слова и всей фразы в целом позволяет каждому аспекту словно самораскрыться в нужном месте и в нужной связи. Самые значительные метафизические истины и тончайшие нюансы психологических переживаний охвачены в едином вдохновенном движении словообразов, одновременно точных для зрящего разума и полных бесконечной недосказанности для совершающего открытие духа. Здесь есть отдельные фразы, самостоятельные двустушия, краткие пассажи, каждый из которых содержит суть обширной философии, но в то же время отражает лишь аспект, лишь часть безграничного самопознания. Здесь все очень емко, все преисполнено смысла и вместе с тем – изложено с абсолютной ясностью и светоносной лаконичностью, но и с безмерной полнотой. Такого рода мысли не подходит медлительный, тщательный, пространственный метод логического рассуждения. Пассаж, предложение, двустушие, строка, даже полустрока следуют друг за другом с некоторым интервалом, заполненным невыраженной мыслью, безмолвием, в котором звенит эхо предшествующей фразы, мыслью, включенной в целостное внушение и подразумеваемой самой стопой, которую, однако, уму предлагается ради собственной пользы обнаружить самому; и эти интервалы емкого безмолвия велики, движение мысли напоминает поступь Титана, шагающего со скалы на скалу над безбрежными водами. Структура каждой Упанишады обнаруживает совершенное всеобъемлющее единство, неразрывную проработанную взаимосвязь различных гармонических частей, но такую, какой мог достичь только разум, охватывающий взором широкие объемы истины и задерживающийся лишь для отыскания нужного слова в насыщенном безмолвии. Ритм стихов или ритмизованной прозы соответствует скульптуре мысли и фразы. Метрическая форма Упанишад – это четыре полустроки, каждая из которых четко выделена; строка чаще всего является завершенной и целостной и содержит законченную мысль; полустроки, содержащие две мысли или различные части одной, соединены и дополняют друг друга; ритмическое звучание соответствует тому же принципу: каж-

дая стопа коротка и оформлена отчетливой завершающей паузой, заполненной певучим эхом, долго вибрирующим во внутреннем слухе; каждая строка подобна волне бесконечности, несущей в себе молвь целого океана. Такая поэзия – слово видения, ритм духа – не создавалась ни до Упанишад, ни после них.

Образный строй Упанишад есть по большей части развитие ведического типа образности и, хотя обыкновенно предпочтение отдается ничем не прикрытой ясности или прямому просветляющему образу, нередко те же самые символы используются способом, весьма близким по духу и методу, в менее «специальной» его части, к древнему символизму. Как правило, именно этот элемент, недоступный более нашему образу мышления, и сбивал с толку некоторых западных исследователей, заставляя их восклицать, что Упанишады представляют собой смесь из возвышеннейших философских умозрений и первого невразумительного лепета младенческого ума человечества. Упанишады не являются революционным отходом от ведического ума, от его темперамента и фундаментальных идей – это его продолжение и развитие, в известной степени, это расширяющая его трансформация, в смысле ясного и четкого выражения всего, что было скрыто как тайна в символическом языке Вед. Упанишады начинают с использования образов и ритуальных символов Вед и Брахман, которые затем преобразуются так, чтобы выявился их внутренний и мистический смысл, долженствующий служить своего рода психической точкой отсчета для собственной высоко развитой и более отчетливо духовной философии. Есть много мест именно такого рода, особенно в прозаических Упанишадах, где говорится – в манере, недоступной непосвященным, туманной и даже непонятной современному уму – о психическом смысле идей, некогда распространенных в ведическом религиозном уме, о различиях между тремя типами Вед, тремя мирами и о прочих вещах этого же ряда; однако, поскольку в Упанишадах они ведут к глубочайшим духовным истинам, эти места никак нельзя отбросить в качестве младенческой невнятицы разума, лишенной смысла или доступной уразумению связи с мыслями высшего порядка, которые являются их кульминацией. Напротив, мы обнаруживаем в них достаточно глубокий смысл, как только оказываемся в состоянии проникнуть внутрь их символики. Это происходит при психофизическом подъеме к психо-духовному знанию – сегодня мы определили бы это в более интеллектуальных, менее конкретных и образных терминах, но смысл сохраняет свою ценность для тех, кто занимается Йогой и заново открывает секреты нашего психофизического и психо-духовного существа. Типичные пассажи такого свойства, своеобразно выражающие психические истины, это объяснения Аджаташатру сна и сновидений или пассажи из Прашна Упанишады о витальном принципе и его движениях, или те, в которых затрагивается ведическая идея противоборства богов и демонов, здесь приобретающая более духовное истолкование, ведические же божества более открыто, чем в Ригведе и Самаведе, характеризуются и призываются сообразно их внутренним функциям и духовным силам.

В качестве примера такого развития ведической идеи и образа я могу процитировать отрывок из Тайттирия Упанишады, в котором Индра прямо предстает как сила и персонификация божественного разума:

«Он, кто есть в Ведах Бык универсальной формы, он, кто рожден в священных ритмах от Бессмертного, – да удовлетворит меня Индра через разум. О Боже, пусть стану я сосудом Бессмертного. Пусть будет тело мое полно видения, а язык мой – сладости, пусть уши мои слышат то, что велико и просторно. Ибо ты есть оболочка Брахмана, прикрытая и сокрытая разумом»².

Сходный пассаж можно процитировать и из Иша Упанишады, где к Сурье, богу Солнца, обращаются как к божеству знания, чья наивысшая форма лучезарности есть единство Духа,

² Тайттирия Упанишада. I. 4. I—2. (Прим. ред.)

а его лучи, достигающие нашего ментального уровня в рассеянном виде, являются сияющим распространением мыслящего разума и заслоняют его собственную бесконечную супраментальную истину, тело и сущность этого Солнца, истину духа и Вечного:

«Лик Истины сокрыт золотым заслоном. О питающее Солнце, его раскрой во имя закона истины, яви взору. О кормилец, о единственный Риши, о удерживающий Яма, о Сурья, о сын Отца созданий, выстрой и сосредоточь свои лучи; этот Блеск, благословеннейшая из всех твоих форм, что я вижу, Он, кто есть это, этот Пуруша, Он есть я»³.

При различии этих отрывков их родство с образным строем и стилем Вед просто бросается в глаза; последний же отрывок есть на самом деле перефразировка или перевод в позднейший и менее зашифрованный стиль ведического гимна Атри:

«Сокрыта твоей истиной та Истина, что неизменна вовеки там, где распрягаются кони Солнца. Там десять тысяч стоят вместе – Это есть Единый: я видел высшее Божество воплощенных богов»⁴.

Ведическая и ведантистская образность чужда нашему современному менталитету, который не верит в живую истину символа, потому что озаряющее воображение, запуганное интеллектом, не смеет больше принимать душевное и духовное видение, отождествляться с ним и отважно воплощать его в образы; но эта образность, конечно, не имеет ничего общего с младенческим или примитивным и варварским мистицизмом; этот язык, такой живой, яркий, исполненный светоносной поэтичности интуитивный язык, есть естественное отражение высоко развитой духовной культуры.

Интуитивная мысль Упанишад отправляется от этих конкретных образов и символов, от слов, при помощи которых ведические риши первоначально полностью передавали смысл посвященным, но утаивали глубинную суть от обыкновенных умов, она переводит их на менее зашифрованный язык и затем находит для выражения их смысла другие образы, блистательно ясные и возвышенные, другие слова, сразу раскрывающие все сияние духовной истины. Этот процесс, этот труд раннего ума Индии можно проследить по прозаическим Упанишадам, где символы используются как средство перехода к открытому выражению духовной сути. Отрывок из Прашна Упанишады, касающийся силы и значения мистического слога АУМ (ОМ), показывает нам первую стадию процесса:

«Этот слог ОМ, о Сатьякама, он есть высший и он есть низший Брахман. Поэтому человек знания проходит через этот дом Брахмана к тому или к другому. Если сосредоточиться на одной букве, она дает человеку знание и скоро тот достигает всего на земле. И Рики ведут его в мир людей и, достигши там совершенства в Тапасе и Брахмачарье и в вере, испытывает он величие духа. Если удвоенной буквой достигает он совершенства в уме, то ведут его Яджусы в средний мир, в лунный мир Сомы. В мире Сомы он испытывает великолепие духа и возвращается вновь. А тот, кто строенной буквой, всем этим слогом ОМ, сосредоточится на высочайшем Пуруше, тот достигнет совершенства в свете, который есть Солнце. Как змея сбрасывает с себя кожу, воистину, так освобождается он от греха и от зла и Саманы ведут его в мир Брахмана. Из гуши живых душ видит он того, кто выше высочайшего, Пурушу, который возлежит в этом дворце. Три буквы подвержены смерти, но вот употреблены они нераздельно и совместно друг с

³ Иша Упанишада. 15, 16. (Прим. ред.)

⁴ Ригведа. V. 62.1. (Прим. ред.).

другом, тогда внутреннее, внешнее и промежуточное действия духа соединены в совершенном употреблении, и дух знает и неколебим. Этот мир достигается Риками, средний мир – Яджусами, и Саманами – тот мир, о котором знающие поведали нам. Человек знания приходит к Нему через ОМ, обитель его, воистину, – к высочайшему Духу, который безмятежен, который вне времени, вне страха, который бессмертен»⁵.

Здесь символика все еще темна для нашего понимания, но есть указания, несомненно свидетельствующие о том, что за ней стоит психический опыт, ведущий к различным стадиям духовной реализации; их три – внешняя, ментальная и супраментальная, результатом последней становится высшее совершенство, полное и интегральное приобщение всего существа к покойной вечности бессмертного Духа. В более поздней Мандукья Упанишаде прочая символика уже отринута, и мы допущены к ничем не завуалированному смыслу. Тут и возникает знание, к которому современная мысль возвращается другими, совершенно отличными методами: интеллектуальным, рациональным и научным; знание о том, что за деятельностью нашего наружного, физического сознания скрывается деятельность другого сознания, сублимinalного, – другого, но того же самого, – чьим поверхностным проявлением выступает наш бодрствующий ум; выше же всего – возможно, так мы полагаем сегодня – духовное сверхсознание, в котором, вероятно, и можно найти наше наивысшее состояние и тайну нашего бытия. Вчитавшись в отрывок из Прашна Упанишады, мы можем убедиться, что в нем уже содержится это знание, так что, я полагаю, мы можем совершенно рационально заключить, что это и другие высказывания древних мудрецов, в какое бы недоумение ни повергали они своей формой рациональное сознание, не могут быть отброшены как инфантильный мистицизм, поскольку представляют собой образное выражение, характерное для менталитета тех времен, того, к чему своими путями сегодня приходит и разум, свидетельствуя, что это истина, очень глубокая истина, и подлинная реальность знания.

Стихотворные Упанишады используют ту же насыщенную значением символику, но в несколько облегченном ключе; большая часть стихов переходит от образного к прямому выражению. Сущность, Дух, Божественное в человеке и тварях, в Природе, во всем сущем в этом мире и в других мирах, и за пределами космоса, Бессмертное, Единое, Бесконечное без завес воспевается в гимнах во всем величии его вечной трансцендентности и многообразности самопроявлений. Несколько отрывков из поучений Ямы, бога Закона и Смерти, обращенных к Начикетасу, могут продемонстрировать это:

«ОМ есть этот слог. Этот слог есть Брахман, этот слог есть Всевышний. Тот, кто знает нетленный ОМ, что бы ни желал он, все – его. Это опора наилучшая, это опора высочайшая, когда познает это человек, он возвеличивается в мире Брахмана. Всеведущий не рождается и не умирает, ниоткуда он не появился и не есть он кто-то. Он не рожденный, он постоянный и вечный, он Древний Днями, тот, кто неубиваем при убиении тела...

Он сидит на месте и странствует далеко, он возлежит и движется во все стороны. Кто, как не я, знает это экстатическое Божество? Мудрый приходит к пониманию того, что великий Господь и «Я» укоренены и бестелесны в этих бранных телах, и более он не скорбит. Ни наставлением нельзя завоевать это «Я», ни мощью ума, ни ученостью большой – кого Дух изберет, только ему Он покорится и ему Дух этот раскроет само свое тело. Кто не перестал творить зло, кто не сосредоточен и не умиротворен, чей ум не обрел покой, мудростью

⁵ Прашна Упанишада. V. 2—7. (Прим. ред.)

ума не придет он к знанию. Тот, для Кого воители и мудрецы есть пища на пиршестве, а смерть острая приправа, кому ведомо, где Он? ...

Самосуший створки врат распахнул наружу, поэтому человек смотрит наружу, а не внутрь себя, только редкие мудрецы обращаются взглядом внутрь в поиске бессмертия и лицом к лицу встречаются с «Я». Младенческий ум тянется к поверхностным желаниям и попадает в сети смерти, широко простертые для нас, но мудрый знает о бессмертии и не ищет постоянного в том, что непостоянно. Этим «Я» познает человек форму и вкус, запах и ощущение, и радость от них, что же еще здесь остается? Мудрый приходит к пониманию великого Господа и «Я», через них он видит все, что есть в душе пробужденной, и все, что есть в душе спящей, и не скорбит более. Познавший это «Я», этого Сущего, вкушающего сладость, близкого живому существу, властителя того, что было и что будет, уже не отвернется ни от чего на свете. Он знает его, кто был рожден издревле от Тапаса, кто был рожден издревле от вод и кто вошел и пребывает в тайной пещере бытия со всем сущим. Он знает ее, рожденную жизненной силой, бесконечную Мать, в которой все боги, ее, кто вошла и пребывает в тайной пещере бытия со всем сущим. Это Огонь всезнающий, и скрыт он в двух кусках древесины, как дитя во чреве беременной женщины; это Огонь, которому должны поклоняться люди, бессонно его блюдущие и жертвы ему приносящие. Он есть то, из чего Солнце восходит и во что заходит – и в нем все боги имеют основу, и никто не может превзойти его. Что – здесь, воистину, то – и в иных мирах, и что – там, воистину, согласно тому – и все, что здесь. Тот идет от смерти к смерти, кто видит здесь только различие. Пуруша величиной не больше пальца пребывает в самой сути человека и властвует над всем, что было и что будет, познавший это более не отвернется ни от чего на свете. Пуруша размером с человеческий палец, он подобен огню без дыма, он есть Владыка того, что было и что будет, это он есть сегодня, и это он есть завтра тоже»⁶.

Упанишады изобилуют местами, которые одновременно представляют собой и поэзию, и духовную философию абсолютной ясности и красоты, но никакой перевод, лишенный нюансов и оттенков значения – глубокого, утонченного, светоносного, – которые эхом отдаются в каждом слове и ритме, не может даже отдаленно передать их силу и совершенство. Есть и такие, где сложнейшие психологические и философские истины исчерпывающим образом изложены в безупречно прекрасной стихотворной форме, причем так, что они не просто становятся доступными восприятию человека, но обретают жизнь и реальность в его разуме и душе. Некоторые прозаические Упанишады включают в себя элементы повествовательности, запечатлевшие для нас в живых и ярких красках, пусть и мимолетно, сценки того поразительного времени с его напряженным поиском духовности и страстью к высшему знанию, без которых не могли бы появиться и сами Упанишады. Картины той эпохи оживают перед нами: святые, живущие уединенно в лесной тиши в готовности испытать и принять в обучение тех, кто приходит к ним за знанием, принцы, ученые брамины и знатные аристократы-землевладельцы, странствующие в поисках все того же знания, царский сын в колеснице и внебрачный сын служанки, ищущие кого-нибудь, кто нес бы в себе мысль света и слово озарения, типические персонажи – Джанака и обладающий утонченным умом Аджаташатру, Райква с его повозкой, Яджнявалкья, воитель истины, спокойный и ироничный, обеими руками черпавший земные и духовные сокровища, но не испытывавший к ним привязанности и все променявший в конце концов на жизнь бродячего отшельника, Кришна, сын Деваки, который, услышав одно лишь

⁶ Катха Упанишада. I. 2. 11—13; 15—18; II. 1. 1—11. (Прим. ред.)

слово риши Гхоры, вмиг познал Вечное, ашрамы, дворы царей, тоже искавших и открывавших истину, собрания во время больших жертвоприношений, где встречались мудрые и сопоставляли свои познания. Мы видим, как рождается душа Индии, как набирает силу великий гимн зарождения, с которым вознесется она от земли до высших эмпиреев духа. Веды и Упанишады – источники не только индийской философии и религии, но всего индийского искусства, поэзии и литературы. Именно эта душа, этот темперамент, этот идеальный разум, сформированные и выраженные ими, впоследствии дали рождение великим философским системам, воздвигли здание Дхармы, запечатлели свою героическую юность в Махабхарате и Рамаяне, неустанно интеллектуализировались в классике во времена своей зрелости, породили такое множество оригинальных прозрений в области науки, достигли такого накала и богатства эстетического, жизненного и чувственного опыта, осуществили обновление своего духовного и душевного опыта в Тантре и Пуранах, излились великолепием и красотой линий и цвета, мыслью и видением, изваянными в камне и отлитыми в бронзе, находили себе все новое выражение в появившихся позднее языках, а теперь, после периода упадка, возвращаются прежними, хотя и в новых формах, чтобы вступить в новую жизнь и в новый творческий этап.

2

Наша дхарма подобна гигантскому дереву с большим количеством могучих ветвей и мелких веточек. Корнями это дерево уходит в глубокое знание, а ветви его широко раскинулись в сфере действия. Так же как и дерево Ашваттха, упоминаемое в Бхагавадгите, которое росло корнями вверх, эта дхарма имеет в своей основе знание и побуждает человека к действию. Фундаментом этой дхармы является отсутствие привязанностей к чему бы то ни было, динамическая активность – ее крыша и стены, а освобождение – венчающий крышу шпиль. Вся жизнь человечества проходит под сенью этого огромного дерева-дома индуистской дхармы.

Считается, что Веда – это основа индуистской дхармы, но немногие знают, в чем заключается истина этой основы и каково ее реальное обличие. Как часто, забравшись на вершину дерева дхармы, мы впадаем в экстатическое состояние, отведав сочный и сладкий преходящий плод с какой-нибудь расположенной поблизости ветки, не пытаясь узнать при этом что-нибудь о корнях дерева. Мы все слышали, что Веда композиционно разделяется на две части, одна из которых посвящена действию, а вторая – знанию. Некоторые, возможно, читали комментарии к Ригведе, написанные Максом Мюллером или переводчиком Веды на бенгальский язык Ромешом Даттом, но сами при этом плохо знакомы с текстами Ригведы. От Макса Мюллера и Ромеша Датта мы знаем, что риши Ригведы поклонялись внешним объектам природы и различным существам; гимны и песнопения, обращенные к Солнцу и Луне, Ветру и Огню, заключали в себе основы знания древней, извечной индуистской дхармы, превосходящей обычное человеческое знание. Всецело полагаясь на истинность и правильность комментариев, умаляя тем самым знание древних риши, изложенное в Веде, и знание индуистской дхармы, мы считаем себя высокообразованными и «просвещенными» людьми своего времени. Мы не даем себе труда узнать, что же на самом деле содержат в себе подлинные тексты Веды и почему мудрецы и великие души, такие как Шанкарачарья и многие другие, усматривали заключенное в этих ведических гимнах и молитвах совершенное и непогрешимое знание.

Очень немногие знакомы даже с текстами Упанишад. Когда мы говорим об Упанишадах, то вспоминаем о монизме Шанкарачарья и об ограниченном монизме Рамануджи, о дуализме Мадхвы и других направлениях философской мысли. Но нам даже в голову не приходит заняться самостоятельным изучением оригинальных текстов Упанишад, чтобы попытаться открыть для себя их подлинный смысл или хотя бы просто для того, чтобы ответить на вопрос, каким образом на почве одного и того же литературно-философского памятника могли возникнуть шесть противоречащих друг другу философских направлений и что же действительно скрывается в этой сокровищнице знаний, выходящее за пределы известных философских школ. В течение целого тысячелетия мы целиком и полностью полагались на толкования Шанкары, которые в нашем представлении однозначно разъясняли и Веды, и Упанишады. Зачем было утруждать себя изучением оригинальных текстов Упанишад? Наше доверие авторитету Шанкары было настолько велико, что, даже если нам и попадались комментарии других авторов, которые шли вразрез с толкованием Шанкары, мы немедленно отвергали их как ложные и не соответствующие истинному духу Упанишад. При этом оригинальные тексты Упанишад скрывают в своих исполненных глубокого смысла шлоках, созданных арийскими риши и великими йогинами, не только знание, донесенное до нас Шанкарой, но и все духовное наследие прошлого, а также ту истину, которую еще предстоит раскрыть человечеству в настоящем и будущем.

Что же такое Упанишады? Это сокровищница глубочайшего вечного Знания, не имеющего ни начала, ни конца и лежащего в основе извечной дхармы. То же самое знание мы находим и в сутках четырех Вед, но там оно скрыто под покровом метафорических образов, придающих экзотическое значение ведическим гимнам, наподобие того, как качества идеального

человека передаются с помощью известного описательного образа. Упанишады раскрывают перед нами высшее Знание, обнажая реальную истину человеческого существа. Риши, поэты, создавшие Ригведу, воплощали духовное знание в словах и стихах, порожденных божественным вдохновением. Риши, авторы Упанишад, обладали непосредственным видением этого истинного высшего Знания, которое передавали в сжатой, лаконичной форме. Древние риши, наделенные *непосредственным видением*, отразили в Упанишадах не только идеи монизма, но и все возникшие впоследствии в Европе и Азии философские направления мысли – рационализм, реализм, нигилизм, утилитаризм, гедонизм, теорию эволюции Дарвина, позитивизм Огюста Конта, философию Гегеля, Канта, Спинозы и Шопенгауэра. Но то, что в других философских школах получало лишь частичное и фрагментарное отражение, выступая, по существу, как искаженная картина действительности, сочетающая в себе элементы как лжи, так и истины, – хотя и провозглашалось всегда единственной и окончательной истиной, – в Упанишадах раскрывалось во всей своей полноте и ясности отточенной мысли.

Именно поэтому нам надо постараться самим открыть подлинный глубокий смысл, заключенный в Упанишадах, не оглядываясь ни на какие авторитетные мнения Шанкары или других комментаторов.

Слово «упанишада» означает проникновение в сокровенную область. Риши, сочинившие Упанишады, достигали знания не с помощью логического рассуждения и аргументации, и не в результате изучения поверхностных явлений, и не в порыве вдохновения, но как следствие йогической практики, позволяющей войти в тайную область разума, где хранится ключ от интегрального Знания. Риши проникали в эту скрытую сферу, завладевали этим ключом и становились владыками безграничных царств непогрешимого Знания. Не имея этого заветного ключа, нельзя открыть для себя смысл Упанишад. Любая попытка добраться до смысла, заключенного в Упанишадах, с помощью одного лишь логического мышления равнозначна исследованию непроходимой и мрачной лесной чащи с зажженной свечой в руке. Для этого необходимо обладать непосредственным видением, которое как солнечный луч озаряет лесной мрак и делает возможным продвижение в гуще зарослей. Такое непосредственное видение обретается лишь в результате йогической практики.

3

Высшей целью человеческой жизни мы считаем Интегральную Йогу, реализацию божественной жизни на земле, в человеческом теле, основанную на постижении высшего «Я», универсального Духа, и, следовательно, – интегральную же, целостную космическую игру, Лилу Божественного, направляемую Его Силой. Утверждая это, мы не исходим из ментальных посылок, возникших на базе новейших достижений в области человеческой мысли, и не руководствуемся авторитетом древних писаний или философских школ, но полагаемся на более целостное, «интегральное» духовное знание, проистекающее из живого и непосредственного переживания Божественной Реальности на уровне души, жизни, разума, сердца и тела. Это древнее и поистине вечное знание вовсе не является каким-то новым открытием. Опыт переживания Божественной Реальности восходит к эпохе древних ведических риши, провидцев верховной Истины, создавших Упанишады, в которых запечатлены высшие прозрения этих Поэтов, внимавших Истине. В современной мрачной и мелочно-суевой жизни Индии периода Кали-юги эти древние откровения приобретают новое звучание. Там, где люди довольствуются полуживотным существованием и где лишь очень немногие стремятся реализовать хотя бы свои истинно человеческие качества, не может быть и речи о новой эпохе божественных провидцев. Но когда-то на этих высоких идеалах наши арийские предки строили жизнь целого народа. В незапамятные времена, на заре появления этого светоносного Знания, восторженный мотив ведических гимнов, звучащий самозабвенной песней счастья, упоения пьянящим нектаром Сомы, восходил непосредственно к стопам Универсального Существа. Изначальная мантра индийской культуры заключалась в возвышенном стремлении воплотить лучезарный образ бессмертного Универсального Существа в душе и в жизни человека, достигая всеобъемлющего и совершенного выражения божества. Постепенное ослабление, искажение и забвение этой мантры послужило причиной упадка и несчастий, обрушившихся на эту страну и ее народ. Попытаться снова ступить на путь этой реализации и опять произнести забытую некогда мантру – вот единственное и безупречное средство национального возрождения и прогресса страны и народа, ибо эта мантра есть извечная истина, в которой и все человечество, и отдельная личность находят свое совершенное осуществление. В этом заключается глубокое значение многотрудных усилий человека, формирования отдельных народов и наций, зарождения и постепенного развития цивилизаций и культур. Все прочие цели и задачи, которые мы ставим перед собой в своей жизни, являются второстепенными и побочными, выполняющими роль вспомогательных средств в истинном Провидении богов. Все остальные частичные и фрагментарные реализации и достижения, вознаграждающие нас за наши усилия на жизненном пути, есть лишь вехи, знаменующие собой этапы победного восхождения к вершине. Истинная цель и истинная реализация – это раскрытие Брахмана и его самоманифестация, осязаемое, зримое проявление Силы Божественного, Лилы Его Знания и Ананды, причем не только в виде отдельных великих человеческих душ, но и во всем человечестве, в каждом отдельном представителе каждой нации и каждого народа.

Самое раннее выражение этого знания и этой садханы являет собой Ригведа, ее письменная начертанная на заре человеческой истории над входом в храм арийской дхармы. Нельзя, впрочем, с уверенностью сказать, что это знание впервые нашло свое отражение в Ригведе, поскольку даже риши, создавшие Ригведу, признавали, что еще их предки, праотцы расы ариев и всего человечества, открыли этот путь истины и бессмертия, чтобы возвестить его всем последующим людским поколениям. Они также говорили, что риши более поздних времен были лишь преемниками более древней духовной традиции. Мы слышим, как в мантре Ригведы эхом звучат голоса «праотцов», слагающих гимны во славу Божественного. Поэтому мы вправе утверждать, что дхарма Ригведы есть самая ранняя из известных нам форм этой

дхармы. Знание, зафиксированное в Упанишадах, садхана Веданты представляют собой лишь чрезвычайно утонченную и богатую обработку этой дхармы. Знание верховного Божественного и садхана достижения Божественной жизни, изложенные в Ведах, знание высшего «Я» и садхана реализации Брахмана, изложенные в Упанишадах, – и то и другое имеет в своей основе единую синтетическую дхарму. Различные аспекты космического Пуруши и космической Шакти, верховного Божественного, заключающего в себе всю совокупность истин Брахмана, переживание и поиск Всеобъемлющего Брахмана, – вот что составляет ее сокровенный внутренний смысл. Вслед за этим наступила эпоха аналитических исследований. Каждая из классических школ индийской философской мысли, Пурва-миманса, Уттара-миманса, Санкхья, Йога, Ньяя и Вайшешика, основывалась на рассмотрении одного отдельно взятого аспекта истины и разрабатывала пути его достижения с помощью той или иной садханы. В результате различные философские направления дали начало монизму, дуализму и ограниченному монизму, а также послужили основой для возникновения Пуран и Тантр, философских школ вишнуистского и шиваитского толка. Попытки синтетического осмысления и подхода также никогда не прекращались. Примером тому могут служить Бхагавадгита, Тантры и Пураны. Причем все они по-своему преуспели в достижении синтеза, открыв перспективы нового разнообразного опыта, но в то же время ни одна из них не достигает всеобъемлющей широты охвата, свойственной Ведам и Упанишадям. Сегодня мы видим, что древнее духовное провозвестие Индии берет начало в столь возвышенном свете знания, лучезарном и всепроникающем, что более поздние эпохи доминирующего интеллектуального подхода оказались не в силах подняться до этого уровня, не говоря уже о том, чтобы превзойти его.

О Переводе Упанишад

Этот перевод некоторых более простых и более доступных для непосвященных Упанишад,⁷ положивших начало другим священным и философским текстам индуизма, не включенным в категорию Книг Откровения, и объединенных под названием «Книга Бога», был осуществлен на основе четкого и неизменного принципа – представить Англии и через Англию Европе только ту часть религиозно-философских идей Индии из арсенала ее письменного наследия, которую Запад готов воспринять, причем представить в форме, обязанной быть привлекательной для западного интеллекта и давать ему пищу. Первая часть этого принципа обусловила жесткий, связанный с заданными критериями отбор, вторая продиктовала стиль и метод изложения, которое должно было стать скорее литературным, нежели буквальным.

Ряд переводов под названием «Священные книги Востока», редактором которых был покойный профессор Макс Мюллер, был выполнен в схоластическом и специфическом духе. Профессор Макс Мюллер, ученый, обладавший широкими познаниями, большой разносторонностью и необычайно активной, изобретательной и безответственной фантазией, завоевал в Индии немалое уважение за свою приверженность к изучению ведического наследия, но следует честно признать, что он был скорее грамматиком и филологом, чем серьезным специалистом-санскритологом. Он мог достаточно хорошо подвергать санскритские тексты грамматическому разбору, но не чувствовал этот язык и не улавливал дух, скрывающийся за буквой. Соответственно, он имел два весьма неверных суждения: он вообразил, что, сидя в Оксфорде и производя с помощью собственной блестящей фантазии новые смыслы, мог понять Упанишады лучше, чем Шанкарачарья или любой другой способный и образованный индус; он также вообразил, что для Европы важно знать именно то, что видели в Упанишадах и что считали важным он и другие европейские ученые. На самом же деле это не имеет значения ни для кого, кроме самих ученых. Что действительно важно знать для Европы, так это в первую очередь реальный смысл экзотерического учения Упанишад и, в меньшей степени, тот смысл, который вкладывался в них философией индуизма. Сведения о последнем могут быть почерпнуты из комментариев Шанкарачарьи или других философов, которые могут изучаться как в оригинале, так и в переводах, издаваемых с превосходной эрудицией и благороднейшими намерениями Дравидийским округом, который именуется материалистами отсталым по их невежеству. Что же касается реального смысла, то некоторая попытка передать его предпринята в этой книге.

Может быть задан вопрос: почему отобраны только эти Упанишады, хотя существует множество других, куда больших по масштабу и не меньших по значению? В ответ я могу процитировать предложение из «Предисловия» профессора Макса Мюллера к «Священным книгам Востока». «Признаться, – говорит он, – для меня было постоянной проблемой, которая в большой степени осталась и сегодня, каким образом в “Священных книгах Востока” наряду с таким обилием нового, естественного, простого, прекрасного и истинного могло оказаться такое количество вещей не просто бессмысленных, искусственных и глупых, но даже ужасных и отвратительных». Что ж, сам я являюсь всего лишь жалким уроженцем Востока, чей вульгарный ум не склонен к отрицанию грубых физических фактов жизни и природы и не в состоянии понять, почему мы должны отворачиваться от них с чопорно-респектабельным выражением, рассчитывая своим притворством скрыть их существование, и в этом, по видимому, причина некоторого моего недоумения относительно того, что же такое ужасное и отвратительное профессор мог обнаружить в Упанишадах. Впрочем, я почти с младенчества

⁷ Эта заметка писалась Шри Ауробиндо для издания перевода шести Упанишад: Иши, Кены, Катхи, Мундаки, Прашны и Мандукьи (*прим. ред.*).

воспитывался в Англии и получил английское образование, так что смутные предположения у меня есть. Зато нет сомнений, что он подразумевает под «бессмысленным, искусственным и глупым». В Упанишадах «бессмысленно» все, что не могут понять европейцы, «искусственно» все, что выходит за рамки их умственного опыта, и «глупо» все, что не в силах объяснить европейская наука и мудрость. Впрочем, со стороны европейца подобное отношение почти неизбежно, ибо все мы судим в соответствии со своими убеждениями, и в любой нации есть лишь очень небольшая горстка людей, ум которых открыт, которые способны понять, что могут быть убеждения, не совпадающие с их собственными и, однако, не в меньшей, а даже в большей степени несущие в себе истину. Ведь по большей части люди – рабы своих ассоциаций.

Давайте представим, что церемонии и службы Римской Католической Церкви представляют собой не обряды из требника, без осмысления заимствованные преимущественно из восточного оккультизма, но что они были организованы так, чтобы стать совершенными символами неких глубоких метафизических истин и производить определенный духовный и материальный эффект в соответствии с научными знаниями о власти звука над умом и материей; что в терминах этих символов и зачастую иносказательным неясным языком написаны глубокие философские работы; а теперь, наконец, давайте представим, что их перевели на бенгальский или хиндустани и предложили образованному пандиту, который учился как в Калькутте, так и в Навадвипе или Бенаресе, – и к каким заключениям он придет? Имеет смысл показать это на конкретном примере. Иисус Христос был великий мыслитель, который овладел некоторым божественным знанием – по-видимому, самостоятельно, без чьей-либо помощи, хотя наверняка сказать нельзя; но те, кто записал его высказывания, были преимущественно людьми заурядными, весьма ограниченными и малообразованными и, похоже, чрезвычайно скверно понимали смысл его глубочайших слов. Например, когда он сказал: «Я и Отец Мой Небесный – одно», выражая глубочайшую истину о тождестве человеческого и божественного «я», они вообразили, что он выдвигает личную претензию на статус Бога; таким образом возникла и необычная легенда о Деве Марии и все из нее вытекающее. Далее, нам всем хорошо известна история о Последней Вечере и замечательно многозначительное высказывание Иисуса, когда он преломил хлеб и дал вино своим ученикам: «Сие есть плоть моя и сие есть кровь моя», а также удивительный обряд евхаристии и учение о пресуществлении, которые на нем основала Римская Католическая Церковь. «Клевета! Святотатство! Еретический бред! – кричит протестант. – Причудливая восточная метафора – и ничего более». Если так, то метафора в самом деле «бессмысленная, искусственная и глупая», нет, даже «ужасная и отвратительная». Однако я предпочитаю думать, что в словах Иисуса всегда был смысл, как правило, истинный и прекрасный. С другой стороны, учение о пресуществлении не понимают сами католики, оно для них – «таинство». Но как же очевиден его смысл для мышления восточного! Плазма материи, пищевая оболочка вселенной, к которой относятся хлеб и вино, представляет кровь и плоть Бога и символизирует великое изначальное жертвоприношение, когда Бог распял себя для того, чтобы мир мог существовать. Беспредельный должен был стать предельным, Необусловленный – обусловить себя, Дух – развернуть Материю. Бог действительно пребывает в хлебе и вине, принимаемых причащающимися, но не присутствует в нашем сознании, а чтобы Он предстал ему (то есть нашему сознанию), требуется акт веры; вот в чем состоит весь смысл учения о пресуществлении. Ибо, как говорят Упанишады, мы должны поверить в Бога прежде, чем сможем познать Его; мы должны осознать, что «Он есть», прежде, чем сможем осознать его сущность. Действительно, как взрослый человек мог бы что-либо знать, если бы ребенком не верил в то, что говорит учитель или книги? Однако будь написана по евхаристии глубокая философская работа, в которой обозначались бы великие истины, но всегда через символ хлеба и вина, а вся терминология основывалась бы на этих символах и опирающемся на них учении о пресуществлении, что сказал бы по этому поводу наш пандит-индус? Будучи ученым и философом, он, несомненно, нашел бы в ней немало «нового, естественного, простого, пре-

красного и истинного», но также много «бессмысленного, искусственного и глупого» и, на его вегетарианский взгляд, даже «ужасного и отвратительного». Что же касается самого символа, то бедного вегетарианца могло от него, пожалуй, даже стошнить. «Какая мерзкая чушь! – говорит протестант. – Мы обязаны верить в то, что едим Бога!» Может ли такой человек знать, где Он пребывает?

Аналогичным образом, многие Упанишады написаны с использованием загадочных символов, фразеологии и образов, которые имеют или имели когда-то глубокий смысл и соотносились для индусов с предметами священными, но европейцу должны представиться непонятными и отвратительными. Будет ли толк, если предложить Европе такие труды, как Чхандогья или Айтарея Упанишада, в отношении которых даже большинство индусов затрудняются или вовсе не могут проникнуть в каждую скрытую за символом истину? Были отобраны лишь несколько Упанишад, в которых существо дела передается в наиболее поэтической и наименее специфической форме; единственное исключение составляет Упанишада Вопросов⁸, которая европейскому уму неизбежно покажется странной и не вполне доступной. Ее, однако, необходимо было включить, дабы как следует представить некоторые подробности и основные идеи философии Упанишад, а ее специфические элементы обладают большей всеобщностью, чем у Чхандогьи и Айтареи.

Возражение может вызвать использованный метод перевода. Профессор Макс Мюллер в своем переводе даже не пытался передать по-английски точные оттенки арийских философских терминов наподобие Атмана и Праны, не имеющих философских аналогов на Западе; он полагал, что самая чуждость использованных им терминов окажется для ума чем-то вроде освежающих брызг холодной воды, которые побудят его проснуться и думать. Полагаю, в этом профессор заблуждался; его предположение могло быть справедливым в случае безупречного философского интеллекта Шопенгауэра или в отношении тех, кто отчасти уже знаком с санскритом, но для обычного читателя чуждая и необъясненная терминология превращается в высокие и густые колючие кусты, преграждающие ему путь к великолепному дворцу и прекрасным садам Упанишад. Более того, в результате схоластической приверженности букве стиль перевода стал невыносимо корявым и недостойным этих великих религиозных поэм. Я не хочу сказать, что их достоин этот перевод, ибо ни в одном языке нельзя найти такого величия и красоты, как в санскрите. Однако степень адекватности связана со способом перевода. Например, *etad vai tat*, рефрен Катха Упанишады, имеет на санскрите глубокое и торжественное звучание, поскольку *etad* и *tat*, использованные таким образом, обладают в санскрите глубочайшим и грандиозным философским значением, которое любой немедленно чувствует; на английском же «Это воистину есть то» не может быть ничем, кроме жонглирования указательными местонаименными; для передачи как ритма, так и смысла много ближе было бы перевести: «Это есть Бог твоих устремлений», сколь бы неадекватным ни показался такой перевод.

Может быть справедливо замечено, что вариант, основывающийся на данных критериях, не может обеспечить точное и определенное представление о смысле. Перевод Праны иногда как жизни, иногда как дыхания, иногда как жизненного дыхания или дыхания жизни вводит в заблуждение, ибо жизнь и дыхание – лишь подчиненные аспекты Праны. Должен ввести в заблуждение и не фиксирующий различий перевод Атмана как души, духа и «я», потому что то, что Запад называет душой, в действительности является Атманом в соединении с умом и мыслительной способностью, а дух – слово многозначное, часто синонимичное душе; даже «я» в английском имеет не вполне то же значение. Далее, индуистское представление о бессмертии отличается от европейского: оно подразумевает не жизнь после смерти, а свободу и от жизни, и от смерти, поскольку то, что мы именуем жизнью, все-таки без смерти невозможно. Аналогичным образом, «Существо» не передает понятие «пуруша» (*puruṣa*), «материя» – «райи» (*rayi*),

⁸ Прашна Упанишада (прим. ред.).

«аскеза» – не дает полного представления о тапасе (*tapas*). В известной степени со всем этим можно согласиться, но в то же время я не думаю, что любой чувствующий и мыслящий читатель может быть серьезно введен в заблуждение, и в любом случае он сможет извлечь больше смысла из несовершенных английских замен, чем из санскритских терминов, которые ничего не будут говорить его разуму. Ум человека требует – и это требование законно, – чтобы новые идеи сообщались ему словами, которые у него с чем-то ассоциируются, которые не будут заставлять его чувствовать себя иностранцем в стране, где ни он никого не понимает, ни его никто не понимает. Новое должно излагаться ему в терминах старого; новое вино должно до поры выдерживаться в старых бутылках. Что толку избегать слова «Бог» и всегда называть Верховное Начало «Оно» лишь потому, что в санскрите обычно – но, заметим, не во всех случаях – используется средний род? Средний род в санскрите используется не только для неодушевленных предметов, не только для того, что стоит ниже имеющего род состояния, но и для того, чье состояние род превышает. В английском дело обстоит по-иному. Употребление местоимения «Оно» может поэтому привести к гораздо более серьезному недоразумению, нежели использование термина «Бог» и местоимения «Он». Когда Мэтью Арнольд сказал, что Бог – это поток, творящий в своем устремлении праведность, люди, само собой, его осмеяли, потому что таким образом Бог как будто превращался в неодушевленную силу; разумеется, Арнольд этого в виду не имел. С другой стороны, если новые представления изложены сильно и талантливо, разумный читатель скоро поймет, что под «Богом» подразумевается нечто отличное от представлений, которые он в это слово вкладывает. Мы же между тем обретаем то преимущество, что не отталкиваем его с самого начала вещами, которые для него будут естественно счесть причудливыми, неприятными или непочтительными.

Верно, однако, что этот перевод не обеспечит точное, полное и ясное знание истин, заложенных в Упанишадах. Передача этого знания не является целью данного перевода, равно как не являлась и целью самих Упанишад. Следует всегда помнить, что эти великие писания – всего лишь врата Высшего Знания; за вратами находится многое. Правда, Шри Кришна сказал, что содержащееся в Ведах знание достаточно для праведного ума, способного к познанию Бога, как воды в колодце оказывается довольно для человеческих надобностей, хотя бы вся округа и была залита ее потоками. Однако к обычному человеку это не относится. Обычный человек, который желает прийти к Богу, должен пройти сложную подготовку. Для начала он должен полностью очиститься, он должен сделать совершенно чистым свое тело, свое сердце и свой разум, он должен обрести новое сердце и родиться заново, ибо только дваждырожденные могут понимать Веды и учить им. Когда он это сделает, ему для того, чтобы преуспеть, нужны будут еще четыре вещи: Шрути – записанное Откровение, Святой Учитель, занятия йогой и Божья Благодать. Задача Шрути и особенно Упанишад – захватить ум и втянуть его в магический круг, приучить его к мыслям и устремлениям, обращенным к Богу, к Высочайшему Началу, окунуть его в некоторые идеи, окружить его определенной духовной атмосферой; ради этой цели Упанишады погружают ум в океан дивных звуков, который будет вновь и вновь омывать его бесконечной чередой волн-ассоциаций. Другими словами, они зывают к душе через интеллект, слух и воображение. Таким образом, перевод Упанишад не может служить их предназначению; перевод в лучшем случае подготавливает человека и привлекает его к оригиналу. Но даже когда он погрузится в оригинал, то может понять лишь высказанное Упанишадами, не поняв всего подразумеваемого – великого сокровенного массива религиозной истины, намек на которую или отголосок которой – и не более – являют Упанишады. За этим он должен отправиться к Учителю. «Пробудись, восстань и познай Бога, найдя Лучшего, кто обладает этим знанием». Трудно в наши дни найти Лучшего, ибо Лучшие к нам не приходят, мы должны проявить искренность, терпение и упорство в их поиске. Когда мы полностью услышим от Учителя всю Брахмавидью, мы все же будем знать Бога лишь в теории; далее мы должны будем получить от наставника практическое знание Бога, Его видение, Его обретение,

в чем и состоит йога, а также ее цель. Однако в этом мы не преуспеем, если с нами не будет Благодати Бога; ведь йога чревата соблазнами, не в последнюю очередь благодаря тем способностям, которыми она нас наделяет, способностям, которые люди невежественные именуют сверхъестественными. «Поэтому должно быть весьма бдительным в йоге, ибо как есть у нее начало, так есть у нее конец». Лишь Благодать Бога поможет нам сохранить твердость и победить искушения: «Это “Я” не постигается ни через красноречивые наставления, ни через силу ума, ни через большую ученость: лишь тот, кого изберет само это Существо, может постичь Его, ибо перед ним этот Дух обнажает Свое тело»⁹ – лишь Он может дать благословение на блистательное владение самим собой, которое приходит в результате длительного и терпеливого накопления душой опыта. Воистину верно сказано в Упанишаде: «Узок путь, как острие бритвы, тяжел и труднопроходим, говорят провидцы»¹⁰. К счастью, нет нужды, да в действительности и возможности для каждого проделать весь путь за одну жизнь, как не следует нам и отказываться от повседневных обязанностей по примеру Будды и бежать в горы или лес. Достаточно будет, если мы начнем это путешествие.

⁹ Катха Упанишада. I.2.23. (Прим. ред.).

¹⁰ Там же. I.3.14. (Прим. ред.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.